

293. Л. Н. ТОЛСТОМУ

31 марта—1 апреля (12—13 апреля) 1857. Рим

12 апреля. Рим.

Я отвечаю Вам на письмо,¹ писанное Вами в сентябре прошлого года и только теперь пересланное сюда из Венеции. В этом письме есть нечто, пробудившее во мне следующую мысль: отчего это время не сблизило нас, а как будто развело далее друг от друга? Если Вы припомните первое наше свидание² по приезде Вашем в Петербург, то едва ли будете спорить против этого факта. Отчего это? Любопытно бы уяснить. Я попробую. Но прежде всего выговариваю себе право, может быть, иногда на рутинный и даже фальшивый звук, на фразу, то есть буду говорить без оглядки, как только и возможно говорить искренно. Не напишешь, ни за что не напишешь правды, как только начнешь взвешивать слова: советую и Вам давать себе эту свободу, когда Вам вздумается показать свою правду другому. Что за нужда, что другой ее поймает — то есть фразу, — лишь бы она сказалась искренно — этим-то путем и скажется ему та доля Вашей правды, которую мы щепетильно припрятываем и без которой остальное является в другом свете. — Я могу и хочу объяснить только одну сторону дела, а Вас попрошу объяснить другую, Вашу, — то есть, скажу Вам, почему я не приблизился к Вам душевно со времени нашего знакомства, а как бы отдалился. Мне кажется, не дикие и упорные до невозможной в Вас ограниченности понятия, которые Вы обнаружили (и от которых вскоре отступились), восстановили меня и нек(оторых) др(угих) против Вас, а следующее: мы раскрылись Вам со всем добродушием, составляющим, может быть, лучшую (как несколько детскую) сторону нашего кружка, а Вы заподозрили нас в неискренности, прямее сказать, в (не)честности. Фраза могла и, верно, присутствовала в нас безотчетно, а Вы поняли ее как основание, как главное в нас. С этой минуты уже нам не могло быть ловко, — свобода исчезла, — безотчетная или сознательная оглядка сделалась неизбежна. Большая часть поводов к разногласию давно исчезла: от многого Вы отказались, еще большее поняли, остальное само собою уничтожилось, будучи только минутным следствием застигнутого врасплох самолюбия, — а легче не стало. Отношения не могли стать на ту ступень простоты, с которой начались, а след(овательно), не могли двигаться вперед по пути сближения. На этом мы и стоим. Это мне кажется верным не только за себя, но еще более за Тургенева. Эта душа, вся раскрывающаяся, — при Вас сжалась, и как-то упорно не размыкается. Грустно вас видеть вместе. Вы должны бы быть друзьями, а Вы что? Как-то у меня оборвалась нить этой мысли, которую еще далеко я не досказал, но как я непременно хочу Вам послать это письмо, то перехожу прямо к Вашему желанию, высказанному в письме, «чтоб наша переписка сделала нас серьезно друзьями». И я этого хочу всем сердцем, оттого и написал эти строки. Вы, как и я, верно, не смотрите на друга (глупая рутина иронии едва дала мне силу написать это слово) как на человека, с которым можно убить приятно ненужный час, который хорошо умеет щекотать наше самолюбие и у которого можно при случае занять денег; Вы, верно, смотрите поглубже — и чем долее будете жить, тем серьезнее будете смотреть. Для меня человек, о котором я думаю, что он меня любит, — теперь все, в нем моя радость и моя нравственная поддержка. Мысль, что заболит другое сердце, может меня остановить от безумного или жестокого поступка — я это говорю по опыту; мысль, что есть другая душа, которая поскорбит или порадует за меня, наполняет мое сердце тихой отрадой, — может быть, от равнодушия к жизни, но, верите ли? я чувствую, что для такой души я не в состоянии пожалеть своей, и одна мысль о возможности этого подвига наполняет меня таким наслаждением, какого ничто в жизни уже мне не может дать. — Но, право, я пишу что-то такое, чего, верно, не пошлю, если перечту после обеда, к которому зовет звонок гостиницы в эту минуту. Итак, иду и даю себе слово — не перечитывать предыдущего, а что напишу далее, не знаю.

На другой день. Слова не сдержал — перечел, однако дав себе прежде другое, что все-таки пошлю. Результат предыдущего тот, что дружба, как всякое счастье, дается нелегко. Однако позволительно и должно искать этого, как всякого другого законного счастья. Теперь я совсем в другом настроении — продолжать начатого не могу, но вот какая пришла мне мысль. Рутина лицемерия и рутина иронии губят в нас простоту и откровенность. Вам, верно, случалось, говоря или пища, беспрестанно думать: не смеется ли слушатель? Так что ж? Надо

давать пинка этой мысли каждый раз, как она явится. Все это мелочное самолюбие. Ну, если и посмеются, если даже заподозрят в лицемерии, в фразе, экая беда! Мы создаем себе какой-то призрак — страшилище, который безотчетно мешает нам быть самими собою, убивает нашу моральную свободу. — Ну, будет.

Жаль, что Вы теперь не в Риме. Все эти дни я смотрел разные религиозные дивы, подобных которым нигде нельзя увидеть, кроме Рима. Сейчас воротился с самой эффектной церемонии. Папа с балкона благословлял народ и кидал буллы. Огромная площадь св(ятого) Петра битком была набита народ (ом) и экипажами. Зрелище удивительно красивое — в размерах колоссальных. Сегодня вечером св(ятой) Петр будет весь мгновенно освещен — пойду смотреть.

Я на днях выезжаю из Рима, буду во Флоренции, в Генуе, в Ницце, а к 1-м числам мая явлюсь в Париж. А Вы где будете? Что делаете? Тургенев мне писал, что Вы окончили новую повесть. Он ее очень хвалит.³ Обделайте и посылайте в «Современник». Если б Вы знали, как я краснею при мысли, что «Современник» заковылял! Надо, надо тянуть — коли взялись за гуж. Проклятая поездка за границу! Проклинаю минуту, когда я решился ехать... Но, впрочем, не поездка виновата, а я сам. Если мне удастся справиться, т. е. совладеть с собою, — я еще постою за «Современник». — Делать я покуда ничего не делаю, кстати скажу, что я был серьезно обижен тем несомненным фактом, что все мои литературные друзья в деле о моей книге приняли сторону сильного, обвиняя меня в мальчишестве.⁴ Ах, любезный друг! Не мальчишество на этом свете только лежание на пуховике, набитом ассигнациями, накраденными собственной или отцовской рукой. Каковы бы ни были мои стихи, я утверждаю, что никогда не брался за перо с мыслью, что бы такое написать или как бы что написать: позлее, полиберальнее? — мысль, побуждение, свободно возникавшее, неотвязно преследуя, наконец заставляло меня писать. В этом отношении я, может быть, более верен свободному творчеству, чем многие другие. Да и такие вещи написал я не все — в моих бумагах можно найти целую серию недоконченных пьес. Все это говорю к тому, что изменить характера своего писания я не могу, так же как Вы не можете разделять убеждений гг. Гончарова и Дружинина, хотя меня в том и уверяли как в несомненном, — а потому не ждите от меня ничего по части стихов, что бы пришлось по Вашему вкусу. Впрочем, вернее сказать, и сам не знаю покуда, что буду писать. Есть план большой вещи,⁵ от которой я в восторге, да времени и труда за ним бездна, — страшно приниматься. Однако прощайте. Если выедете из Парижа, то пишите мне в Париж, *poste restante*. Кланяйтесь Тургеневу.

Ваш Н. Некрасов.

Примечания

Подлинник: ГМТ, ф. Некрасова, N 10.

Впервые: Круг, с. 204—207.

Вероятно, получение этого письма Толстой, будучи в Женеве, отметил в дневнике 14 (26) апреля 1857 г. (см.: Толстой, т. 47, с. 125).

¹ Это письмо неизвестно.

² Первая встреча Некрасова с приехавшим из Крыма в Петербург Толстым произошла сразу же, 19 ноября 1855 г. Встретились лица, разные по возрасту и характеру. Отмечая гостеприимство Некрасова, Толстой в письме М. Н. Толстой от 20 ноября 1855 г. замечает: «Некрасов интересен, и в нем много доброго, но в нем нет прелести, привязывающей с первого взгляда» (Толстой, т. 61, с. 369). Сам Некрасов был очарован Толстым. См. его письмо В. П. Боткину от 24 ноября 1855 г. (п. 236), а также письмо Тургенева Боткину от 3 декабря (Тургенев 2, Письма, т. III, с. 69—70). Вскоре круг Некрасова с некоторой опаской стал реагировать на непривычные мнения Толстого; Тургенев и Дружинин называют его полушутя троглодитом (пещерным жителем), башибузуком (см.: Тургенев 2, Письма, т. III, с. 71; Дружинин. Дневник, с. 360). 6 февраля 1856 на обеде у Некрасова возникает резкий спор по поводу Ж. Санд. См.

письма Некрасова В. П. Боткину от 7 февраля (п. 243) и Тургенева В. П. Боткину от 8 февраля 1856 г. (Тургенев 2, Письма, т. III, с. 81).

³ Толстой читал Тургеневу 1 (13) марта рассказ «Пропавший» («Альберт»). Письмо Тургенева Некрасову с оценкой рассказа неизвестно. Одновременно 4 (16) марта Тургенев сообщал Анненкову, что рассказ «надо будет несколько переделать и обчистить — и тогда выйдет отличнейшая штука...» (Тургенев 2, Письма, т. III, с. 205). См. письмо Некрасова Толстому от 16 декабря 1857 г. (п. 328).

⁴ Речь идет о перепечатке в «Современнике» (1856, № 11) ряда произведений Некрасова из его «Стихотворений» (1856), вызвавшей цензурные гонения. См. декабрьские (1856 г.) письма Некрасова Тургеневу и Анненкову (п. 276, 277, 278).

⁵ Речь идет о поэме «Несчастные» (С, 1858, № 2).